

Дорогие мои братушки...

Александр Поломин //
Фото: из архива семьи Поломиных

Александр Никишов

Скоро наступит зеленый май, и мы будем отмечать святой День Победы. Каким был путь в тот незабываемый 1945-й год у воинов-освободителей? У каждого он свой. Наш земляк, фронтовик Александр Григорьевич ПОЛОМИН, прошел через огонь и славу своей дорогой. Он и сегодня, погружаясь в волны памяти, убежден: другой жизни у него быть не могло.

Даже тот факт, что родился он в день Октябрьской революции (на шесть лет позднее), считает перстом судьбы.

– Из всего детства помню три самых сильных периода, – вспоминает мой собеседник, – работу подпаском, золотостарательство и смерть отца. Подпаском я работал в 1938-1939 годах в поселке Медная Шахта, за все лето, выпасывая коров, получал 90-100 рублей и ежедневно – пол-литра молока.

А еще раньше помогал отцу и матери на промывке золота. В 30-х годах старательство (добыча золота) было разрешено всему населению Свердловской области. Отец взял участок на речке Харитоновке за поселком, и я помогал родителям на подкачке воды дергачом (насосом). Чем больше угол наклона трубы, тем легче качать воду в желоб на промывку песка. Работа не тяжелая, но изнурительная. За четыре дня мы намывали 2-4 г, один раз в десять дней сдавали металл в торгсин, взамен получали муку, сахар, масло подсолнечное, а отец – табак.

За работу в течение целого лета мне к школе купили хромовые ботинки с галошами, и я пошел в 7-й класс. Через год отец мой заболел, простудившись в августе, и умер.

Еще помнятся уроки физкультуры в Турьинской средней школе (нынешнее здание «Тепловых сетей»), когда мы соревновались на лыжах на скорость. На валенки надевали простые лыжи и бегали до улицы Радищева и обратно. Физрук засекал время.

А потом началась война. Нас, ребят 1923 года рождения, поставили на военный учет в ноябре 1941 года и обязали пройти военную подготовку. Обучение закончили в январе 1942-го. После окончания занятий нас отобрали 25 человек и зачислили на курсы снайперов. В мае сдали экзамены по стрельбе. Затем долго ждали вызова военкомата.

Мы, пятеро земляков – Александр Артамонов, Петр Истратов, Иван Павлиний, Иван Николаев и я – оказались в сентябре в г. Ирбите в 4-м отдельном учебном стрелковом полку на подготовке младших командиров. И только через 11 месяцев, 19 августа 1943 года, эшелон с тремя тысячами младших командиров отправился на формирование в Воронежскую область, а после пополнения 302-й и 320-й стрелковых дивизий – на фронт.

Когда за Луганском (Ворошиловград) железная дорога оказалась разбита, мы пошли пешим строем на Таганрог. Шли две ночи и два дня без отдыха. 29 августа Таганрог взяли наши части, и нас повернули вдоль линии фронта, шли еще сутки. Жара была невыносимая, и пить хотелось страшно. Помню, попалась на *пути*, небольшая речка, зашли мы в нее, как есть, в обуви, тут же пьют лошади артиллеристов. Вода стала черная, но никто не обращал на это внимания – только бы глотнуть, а какая она – неважно.

Как потянет ветерок со стороны передовой, так доносится тошнотворный запах трупов. Ни попить, ни умыться. Жара в тот год стояла сильная, гимнастерки на всех были белые от соли.

Утром 2 сентября с марша пошли в атаку на станцию Иловайск. Выстрел ракеты, и мы ринулись вперед. Первую же нашу атаку встретил шквальный огонь. Трое, бегущих рядом, упали, как подкошенные. Бегу, а сам думаю: лишь бы не меня, жить-то хотелось!

Взяв станцию, мы продолжали атаковать – уже село Екатериновку. Сутки были голодные, без воды, и подвезти нет никакой возможности под сильным минометным и артиллерийским обстрелом. Особенно досаждала нам «рама» (самолет-корректировщик). Как поднимется, так немцы начинают поливать нас огнем. Потери мы несли очень большие.

В одной из атак попали под плотный минометный обстрел, я был ранен в голову и контужен, частично потерял речь и слух. Кто остался жив после этой атаки, я не знаю, но видел – падали многие наши, прямо на бегу...

В госпитале я стал поправляться, сначала ко мне возвратился слух, а затем и речь. Через две недели я стал слышать и говорить. Главный врач госпиталя поручил мне каждое утро и вечер переписывать прибывших с передовой, отправленных на эвакуацию и умерших. Эти сведения передавал сестре в регистратуру. За мной закрепили пять частных домов с тяжелоранеными и две палатки по 20 человек каждая.

И вот тут, во время переписи, встретил я очень многих своих однополчан. Страшная была картина: как нас война покалечила, как мучаются наши славяне. Не хватало бинтов, лекарств и сестер, были мобилизованы местные жители, в основном женщины, в помощь госпиталю. Из-за несвоевременной медпомощи тяжелораненые умирали по 10-12 человек в сутки. Было больно смотреть: с передовой привезли, а в тылу умирают...

Выписали меня из госпиталя, а у самого мурашки по коже забегали: как не хотелось второй раз испытывать судьбу, жить хотелось! Не я один так думал, а все, кто шел на передовую – во второй, в третий, в четвертый раз после госпиталя. Тем, кто говорит: не страшно на войне – не верьте. Страшно.

Так началась моя фронтовая жизнь во второй раз. За время боев освободили город Большой Токмак Запорожской области. Река Днепр была уже недалеко. Немец упорно сопротивлялся, нам пришлось занять оборону, окопаться. Так продолжалось почти две недели, шли непрерывные дожди, и это спасало от авианалетов. Но артиллерийский и минометный огонь был непрерывным.

Питание доставлялось раз в сутки ночью, старшина выдавал булку хлеба и котелок каши на двоих. В роте нас с каждым днем оставалось все меньше, вот тут мы были сыты и вода рядом – котелок поставишь под дождь и пей сколько хочешь.

Земля так раскисла, что ноги не вытащишь. Холод, ветер и костер не запалишь – передовая в нескольких сотнях метрах. Ноги мокрые, а шинель так пропитывалась, что будто пуда два на тебе висит. На ботинки столько земли налипало, что кое-как ноги поднимаешь. С таким грузом и ходили в атаки.

19 октября 1943 года после артподготовки мы пошли в атаку и попали под пулеметный огонь. Меня ранило в голеностопный сустав – сквозное пулевое ранение. Двое солдат нашей роты вынесли меня с поля боя в овраг. Так я отвоевался во второй раз и навсегда.

В дни приближающегося 65-летия нашей Победы я вспоминаю моих земляков, однополчан по 4-му отдельному учебному стрелковому полку, по 302-й, 295-й, 320-й стрелковым дивизиям, всех участников боев за освобождение Донбасса.

Это: Петр Истратов, Иван Павлиний, Александр Артамонов (все — 1923 г. р.), Иван Доля, Василий Ананьев, Максим Федосеев, Василий Крушин, Иван Грицун, Григорий Скороходов, Федор Вовк (все – 1924 г. р.). Вместе с ними я рос, учился, познавал военную науку. Все они сложили головы на полях битвы.

Помню я и тех однополчан-краснотурьинцев, кто вернулся домой с Победой и еще долгие годы трудился на благо города и Отчизны. Все они ушли из жизни в мирное время.

Это: Иван Николаев, Илья Фролов, Андрей Сажин, Михаил Чалапко, Борис Иванов, Андрей Доронин, Павел Мясников, Борис Мясников, Владимир Никитин, Семен Леонтьев, Иван Пиманков, Модест Мухин, Леонид Обжорин (все – 1924 г. р.).

Светлая вам память, братушки, сумевшие отстоять независимость нашей Родины!

Никишов, А. Дорогие мои братушки... : [участник Великой Отечественной войны Александр Григорьевич Поломин, г. Краснотурьинск] / Александр Никишов ; фот. из арх. семьи Поломиных // Заря Урала. – 2010. – 3 апр. – С. 1 : фот.